Большая книга лучших сказок Г. Х. Андерсена

#эксмодетство

СОДЕРЖАНИЕ

ГАДКИЙ УТЁНОК 5
ЦВЕТЫ МАЛЕНЬКОЙ ИДЫ 27
ДЮЙМОВОЧКА 43
СУП ИЗ КОЛБАСНОЙ ПАЛОЧКИ 71
ДОМОВОЙ МЕЛОЧНОГО ТОРГОВЦА 101
ДИКИЕ ЛЕБЕДИ 109
СНЕЖНАЯ КОРОЛЕВА 141

Андерсен, Ганс Христиан.

А65 Большая книга лучших сказок / Ганс Христиан Андерсен ; ил. Ники Гольц ; [пер. с дат. Анны и Петра Ганзен] . — Москва : Эксмо, 2019. — 208 с. : ил.

В книгу вошли сказки Ганса Христиана Андерсена «Суп из колбасной палочки», «Дикие лебеди», «Гадкий утенок», «Домовой мелочного торговца», «Дюймовочка», «Цветы маленькой Иды» в классическом переводе А. и П. Ганзен. Иллюстрации Ники Гольц.

УДК 821.113.4-34-93
ББК 84(4Дан)-44

ISBN 978-5-04-098856-3

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Литературно-художественное издание
Для младшего школьного возраста

әдеби-көркемдік баспа
мектеп жасындағы кіші балаларға арналған

Ганс Христиан Андерсен

БОЛЬШАЯ КНИГА ЛУЧШИХ СКАЗОК

(орыс тілінде)

Художник *Ника Гольц*
Перевод с датского *Анны и Петра Ганзен*

Руководитель проекта *Л. Кондрашова*
Ответственный редактор *В. Кожедуб.* Художественный редактор *И. Сауков*
Дизайн переплета *А. Кашлев.* Технический редактор *О. Кистерская*
Компьютерная графика *А. Алексеев.* Корректор *Т. Бородоченкова*

ООО «Издательство «Эксмо»
123308, Москва, ул. Зорге, д. 1. Тел.: 8 (495) 411-68-86.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru
Өндіруші: «ЭКСМО» АҚБ Баспасы, 123308, Мәскеу, Ресей, Зорге көшесі, 1 үй.
Тел.: 8 (495) 411-68-86.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru.
Тауар белгісі: «Эксмо»
Интернет-магазин : www.book24.ru
Интернет-дүкен : www.book24.kz
Импортёр в Республику Казахстан ТОО «РДЦ-Алматы».
Қазақстан Республикасындағы импорттаушы «РДЦ-Алматы» ЖШС.
Дистрибьютор и представитель по приему претензий на продукцию,
в Республике Казахстан: ТОО «РДЦ-Алматы»
Қазақстан Республикасында дистрибьютор және өнім бойынша арыз-талаптарды
қабылдаушының өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС,
Алматы қ., Домбровский көш., 3«а», литер Б, офис 1.
Тел.: 8 (727) 251-59-90/91/92; E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz
Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.
Сертификация туралы ақпарат сайтта: www.eksmo.ru/certification

Сведения о подтверждении соответствия издания согласно законодательству РФ
о техническом регулировании можно получить на сайте Издательства «Эксмо»
www.eksmo.ru/certification
Өндірген мемлекет: Ресей. Сертификация қарастырылған

Дата изготовления / Подписано в печать 15.10.2018. Формат 70x100$^{1}/_{8}$.
Гарнитура «MyriadPro». Печать офсетная. Усл. печ. л. 33,7.
Тираж экз. Заказ

ISBN 978-5-04-098856-3

Знак информационной продукции согласно Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ
6+

EKSMO.RU
новинки издательства

EAC

BOOK24.RU

ГАДКИЙ УТЁНОК

Хорошо было за городом! Стояло лето, рожь пожелтела, овсы зеленели, сено было смётано в стога; по зелёному лугу шагал аист на длинных красных ногах и болтал по-египетски — этому языку его научила мать. За полями и лугами раскинулся большой лес, в чаще его таились глубокие озёра. Да, хорошо было за городом! Солнце озаряло старинную усадьбу, окружённую глубокими канавами с водой; вся полоса земли между этими канавами и каменной оградой заросла лопухом, да таким высоким, что малые ребята могли стоять под самыми крупными его листьями, выпрямившись во весь рост. В чаще лопуха было так же глухо и дико, как в густом лесу, и вот там-то и сидела на яйцах утка. Сидела она уже давно, и ей это порядком надоело, потому что навещали её редко — другим уткам было скучно торчать в лопухе да крякать вместе с нею, им больше нравилось плавать по канавам.

Но вот наконец яичные скорлупки треснули. «Пи-и! Пи-и!» — послышалось из них. Это зародыши стали утятами и высунули головки из скорлупок.

— Скорей! Скорей! — закрякала утка.

И утята заторопились, кое-как выкарабкались на волю и стали осматриваться и разглядывать зелёные листья лопуха. Мать им не мешала: зелёный цвет полезен для глаз.

— Как велик мир! — закрякали утята.

Ещё бы! Теперь им было куда просторнее, чем в скорлупе.

— Уж не думаете ли вы, что мир весь тут? — сказала мать. — Нет! Он тянется далеко-далеко, туда, за сад, к пасторскому полю, но там я никогда в жизни не бывала... Ну, вы все здесь? — И она встала. — Ах нет,

не все! Самое большое яйцо целёхонько! Да когда же это кончится? Вот незадача! До чего мне это надоело!

И она опять уселась.

— Ну, как дела? — спросила, заглянув к ней, одна старая утка.

— Да вот ещё яйцо осталось, — ответила молодая утка. — Сижу, сижу, а оно всё не лопается! Но ты посмотри на деток — до чего хороши! Ужасно похожи на отца! А он, беспутный, и не навестил меня ни разу!

— Дай я осмотрю яйцо, которое ещё не треснуло, — сказала старая утка. — Наверное, индюшачье! Меня тоже надули раз. Ну и маялась же я, когда вывела индюшат! Они ведь страсть как боятся воды; уж я и крякала, и звала, и толкала их в воду — не идут, да и только! Дай же мне взглянуть на яйцо. Ну, так и есть! Индюшачье! Брось его; лучше учи своих утят плавать.

— Нет, пожалуй, всё-таки посижу, — отозвалась молодая утка. — Столько просидела, что потерплю ещё немножко.

— Ну, как знаешь, — сказала старая утка и ушла.

Наконец треснула скорлупа самого большого яйца. «Пи-и! Пи-и!» — и вывалился огромный безобразный птенец. Утка оглядела его.

— Вот так верзила! — крякнула она. — И ничуть не похож на остальных. Неужели это индюшонок? Ну, плавать он у меня всё равно будет: заупрямится — столкну в воду.

На другой день погода выдалась чудесная, зелёный лопух был весь залит солнцем. Утка забрала всю свою семью и заковыляла к канаве. Бултых! — утка шлёпнулась в воду.

— За мной! Скорей! — крикнула она утятам, и те один за другим посыпались в воду.

Сначала они скрылись под водой, но тотчас вынырнули и весело поплыли, лапки у них усердно работали; и безобразный серый утёнок не отставал от других.

— Какой же это индюшонок? — сказала утка. — Ишь как славно гребёт лапками, как прямо держится! Нет, это мой родной сын! И, право же, недурён собой, надо только присмотреться к нему. Ну, скорей, скорей, за мной! Сейчас отправимся на птичий двор, я буду вводить вас в общество. Только держитесь ко мне поближе, чтобы кто-нибудь на вас не наступил, да остерегайтесь кошки.

Вскоре утка с утятами добралась до птичьего двора. Ну и шум тут стоял, ну и гам! Две семьи дрались из-за головки угря, но она в конце концов досталась кошке.

— Вот как бывает в жизни! — сказала утка и облизнула язычком клюв: ей тоже хотелось отведать рыбьей головки. — Ну, ну, шевелите лапками! — приказала она утятам. — Крякните и поклонитесь вон той старой утке. Она здесь самая знатная. Испанской породы, потому такая жирная. Видите, у неё на лапке красный лоскуток? До чего красив! Это знак высшего отличия, какого только может удостоиться утка. Он означает, что хозяева не хотят с ней расставаться; по этому лоскутку её узнают и люди, и животные. Ну, скорей! Да не держите лапки рядышком. Благовоспитанный

утёнок должен держать лапки врозь и вкось, как их держат ваши родители. Вот так! Кланяйтесь теперь и крякайте!

Утята поклонились и крякнули, но другие утки только оглядывали их и говорили громко:

— Ну вот, ещё целая орава! Будто нас мало было! А один-то какой безобразный! Нет, этого мы не примем!

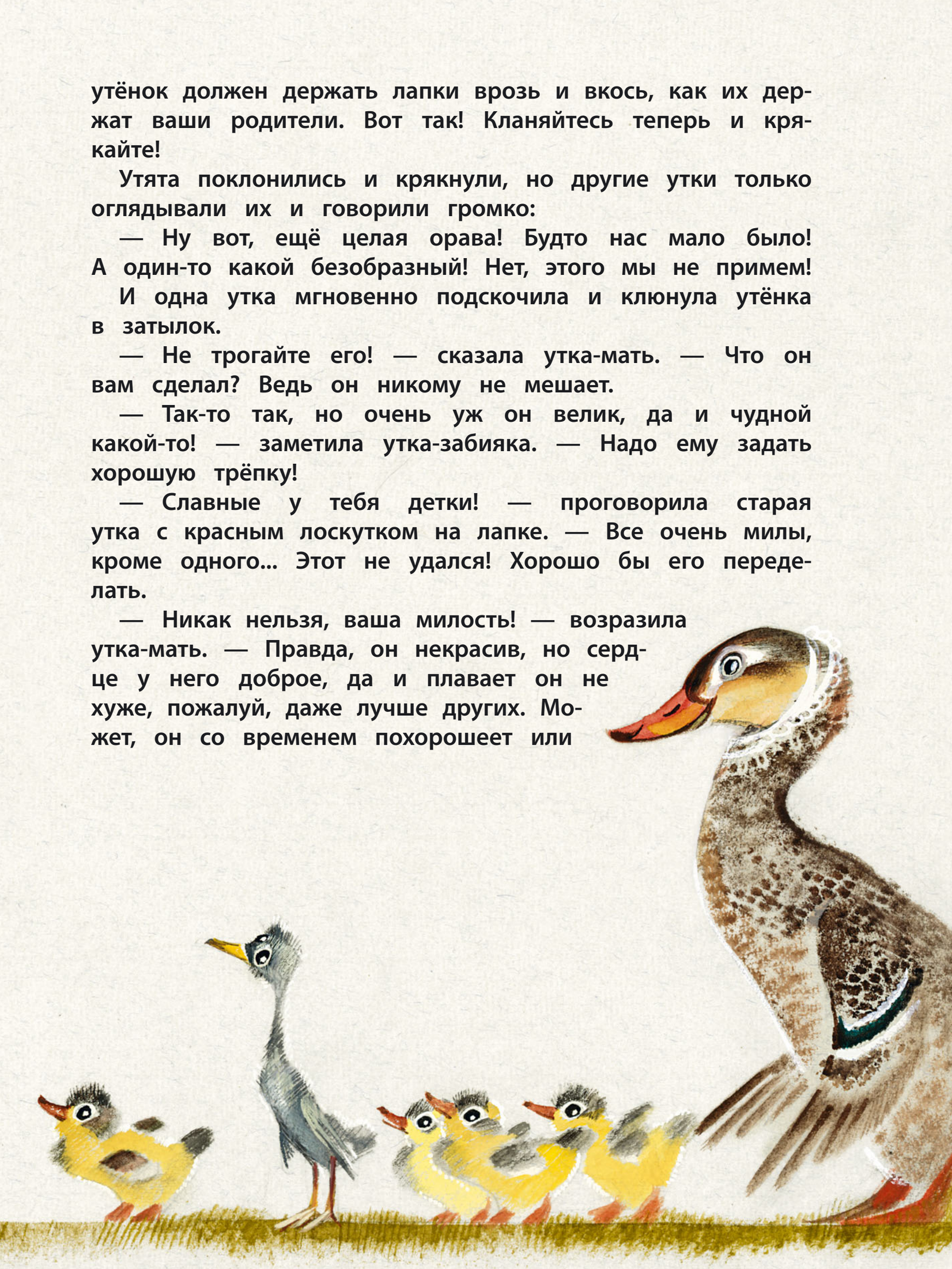
И одна утка мгновенно подскочила и клюнула утёнка в затылок.

— Не трогайте его! — сказала утка-мать. — Что он вам сделал? Ведь он никому не мешает.

— Так-то так, но очень уж он велик, да и чудной какой-то! — заметила утка-забияка. — Надо ему задать хорошую трёпку!

— Славные у тебя детки! — проговорила старая утка с красным лоскутком на лапке. — Все очень милы, кроме одного... Этот не удался! Хорошо бы его переделать.

— Никак нельзя, ваша милость! — возразила утка-мать. — Правда, он некрасив, но сердце у него доброе, да и плавает он не хуже, пожалуй, даже лучше других. Может, он со временем похорошеет или



хоть ростом поменьше станет. Залежался в скорлупе, оттого и не совсем удался. — И она провела носиком по пёрышкам большого утёнка. — К тому же он селезень, а селезню красота не так уж нужна. Вырастет — пробьёт себе дорогу!

— Остальные утята очень, очень милы! — сказала старая утка. — Ну, будьте как дома, а если найдёте угриную головку, можете принести её мне.

Вот они и стали вести себя как дома. Только бедного безобразного утёнка — того, что вылупился позже других, — обитатели птичьего двора клевали, толкали и осыпали насмешками решительно все — и утки, и куры.

— Больно уж он велик! — говорили они.

А индюк, который родился со шпорами на ногах и потому воображал себя императором, надулся и, словно корабль на всех парусах, налетел на утёнка и залопотал так сердито, что гребешок у него налился кровью. Бедный утёнок просто не знал, что ему делать, как быть. Надо же ему было родиться таким безобразным, что весь птичий двор его на смех поднимает!

Так прошёл первый день; потом стало ещё хуже. Все гнали беднягу, даже братья и сёстры сердито кричали на него:

— Хоть бы тебя утащила кошка, урод несчастный!

А мать добавляла:

— Глаза бы мои на тебя не глядели!

Утки клевали его, куры щипали, а девушка, что кормила домашнюю птицу, толкала утёнка ногой.

Но вот утёнок вдруг перебежал двор и перелетел через изгородь! Маленькие птички испуганно выпорхнули из кустов.

«Меня испугались — вот какой я безобразный!» — подумал утёнок и пустился наутёк, сам не зная куда. Бежал, бежал, пока не попал на большое болото, где жили

дикие утки. Усталый и печальный, он просидел там всю ночь.

Утром дикие утки вылетели из гнёзд и увидели новичка.

— Ты кто такой? — спросили они; но утёнок только вертелся да раскланивался, как умел.

— Вот безобразный! — сказали дикие утки. — Впрочем, это не наше дело. Только смотри не вздумай с нами породниться!

Бедняжка! Где же ему было думать о женитьбе! Лишь бы позволили ему просидеть тут в камышах да попить болотной водицы — вот и всё, о чём он мечтал.

Два дня провёл он на болоте, на третий явились два диких гусака. Они недавно вылупились из яиц и потому выступали очень гордо.

— Слушай, дружище! — сказали они. — Ты такой безобразный, что, право, даже нравишься нам. Хочешь летать с нами? Будешь вольной птицей. Недалеко отсюда, на другом болоте, живут премиленькие дикие гусыни. Они умеют говорить: «Рап, рап!» Хоть ты и урод, но — кто знает? — может, и найдёшь своё счастье.

«Пиф! Паф!» — раздалось вдруг над болотом, и гусаки замертво рухнули в камыши, а вода окрасилась кровью. «Пиф! Паф!» — раздалось опять, и из камышей поднялась целая стая диких гусей. Пальба разгорелась. Охотники оцепили всё болото, некоторые укрылись в ветвях нависших над ним деревьев. Клубы голубого дыма окутывали деревья и стлались над водой. По болоту шлёпали охотничьи собаки и, пробиваясь сквозь камыш, раскачивали его из стороны в сторону. Бедный утёнок, ни живой ни мёртвый от страха, хотел было спрятать голову под крыло, как вдруг над ним склонилась охотничья собака, высунув язык и сверкая злыми глазами. Она разинула пасть, оскалила острые зубы, но... шлёп! шлёп! — побежала дальше.

— Пронесло! — И утёнок перевел дух. — Пронесло! Вот, значит, какой я безобразный, собаке и той противно до меня дотронуться.

И он притаился в камышах; а над головой его то и дело гремели выстрелы, пролетали дробинки.

Пальба стихла только к вечеру, но утёнок ещё долго боялся пошевельнуться. Прошло несколько часов, и наконец он осмелился встать, оглядеться и снова тронуться в путь по полям и лугам. Дул ветер, да такой сильный, что утёнок с трудом подвигался вперёд.

К ночи он добрался до какой-то убогой избушки. Она так обветшала, что готова была упасть, только не решила ещё, на какой бок ей падать, и потому держалась. Утёнка так и подхватывало ветром — приходилось садиться на землю.

А ветер всё крепчал. Что было делать утёнку? К счастью, он заметил, что дверь избушки соскочила с одной петли и висит криво — сквозь эту щель нетрудно было проскользнуть внутрь. Так он и сделал.

В этой избушке жила старушка хозяйка с котом и курицей. Кота она звала «сыночком»; он умел выгибать спинку, мурлыкать, а когда его гладили против шерсти, от него даже летели искры. У курицы были маленькие, коротенькие ножки — вот её и прозвали «коротконожкой»; она прилежно несла яйца, и старушка любила её, как дочку.

Утром пришельца заметили: кот принялся мурлыкать, а курица кудахтать.

— Что там такое? — спросила старушка, осмотрелась, заметила утёнка, но сослепу приняла его за жирную утку, которая отбилась от дому.

— Вот так находка! — сказала она. — Теперь у меня будут утиные яйца, если только это не селезень. Ну да поживём — увидим!

И утёнка приняли на испытание. Но прошло недели три, а он так и не снёс ни одного яйца. Господином в доме был кот, а госпожою курица, и оба всегда говорили: «Мы и весь свет!» Себя они считали половиной всего света, притом лучшей его половиной.

Утёнку же казалось, что на этот счёт можно быть и другого мнения. Курица, однако, этого не потерпела.

— Умеешь ты нести яйца? — спросила она утёнка.

— Нет.

— Так и держи язык за зубами!

А кот спросил:

— Умеешь ты выгибать спину, мурлыкать и пускать искры?

— Нет.

— Так и не суйся со своим мнением, когда говорят те, кто умнее тебя.

Так утёнок всё и сидел в углу, нахохлившись. Как-то раз вспомнил он свежий воздух и солнце, и ему до смерти захотелось поплавать. Он не выдержал и сказал об этом курице.

— Ишь чего выдумал! — отозвалась она. — Бездельничаешь, вот тебе блажь в голову и лезет! Неси-ка лучше яйца или мурлычь — вот дурь-то и пройдёт!

— Ах, как мне было приятно плавать! — сказал утёнок. — А что за наслаждение нырять в самую глубину!

— Хорошо наслаждение! — воскликнула курица. — Ну, конечно, ты совсем рехнулся! Спроси кота, он умнее всех, кого я знаю, нравится ли ему плавать и нырять? О себе самой я уж и не говорю. Спроси, наконец, у нашей старушки хозяйки, умнее её нет никого на свете. По-твоему, и ей хочется плавать и нырять?

— Не понять вам меня! — сказал утёнок.

— Если уж нам не понять, так кто же тебя поймёт? Может, ты хочешь быть умней и кота, и хозяйки, не говоря уж обо мне? Не глупи, а благодари лучше создателя за всё, что для тебя сделали. Приютили тебя, пригрели, приняли в свою компанию, и ты от нас многому можешь научиться, но с таким пустоголовым, как ты, и говорить-то не стоит. Ты мне поверь, я тебе добра желаю, потому и браню тебя — истинные друзья всегда так делают. Старайся же нести яйца или научись мурлыкать да пускать искры!

— Я думаю, мне лучше уйти отсюда куда глаза глядят! — сказал утёнок.

— Скатертью дорога! — отозвалась курица.

И утёнок ушёл. Он плавал и нырял, но все животные по-прежнему презирали его за уродливость.

Настала осень, листья на деревьях пожелтели и побурели, ветер подхватывал и кружил их; наверху, в небе, стало холодно; нависли тяжёлые облака, из которых сыпалась снежная крупа. Ворон, сидя на изгороди, во всё горло каркал от холода: «Крра-а! Крра-а!»

От одной мысли о такой стуже можно было замёрзнуть. Плохо приходилось бедному утёнку.

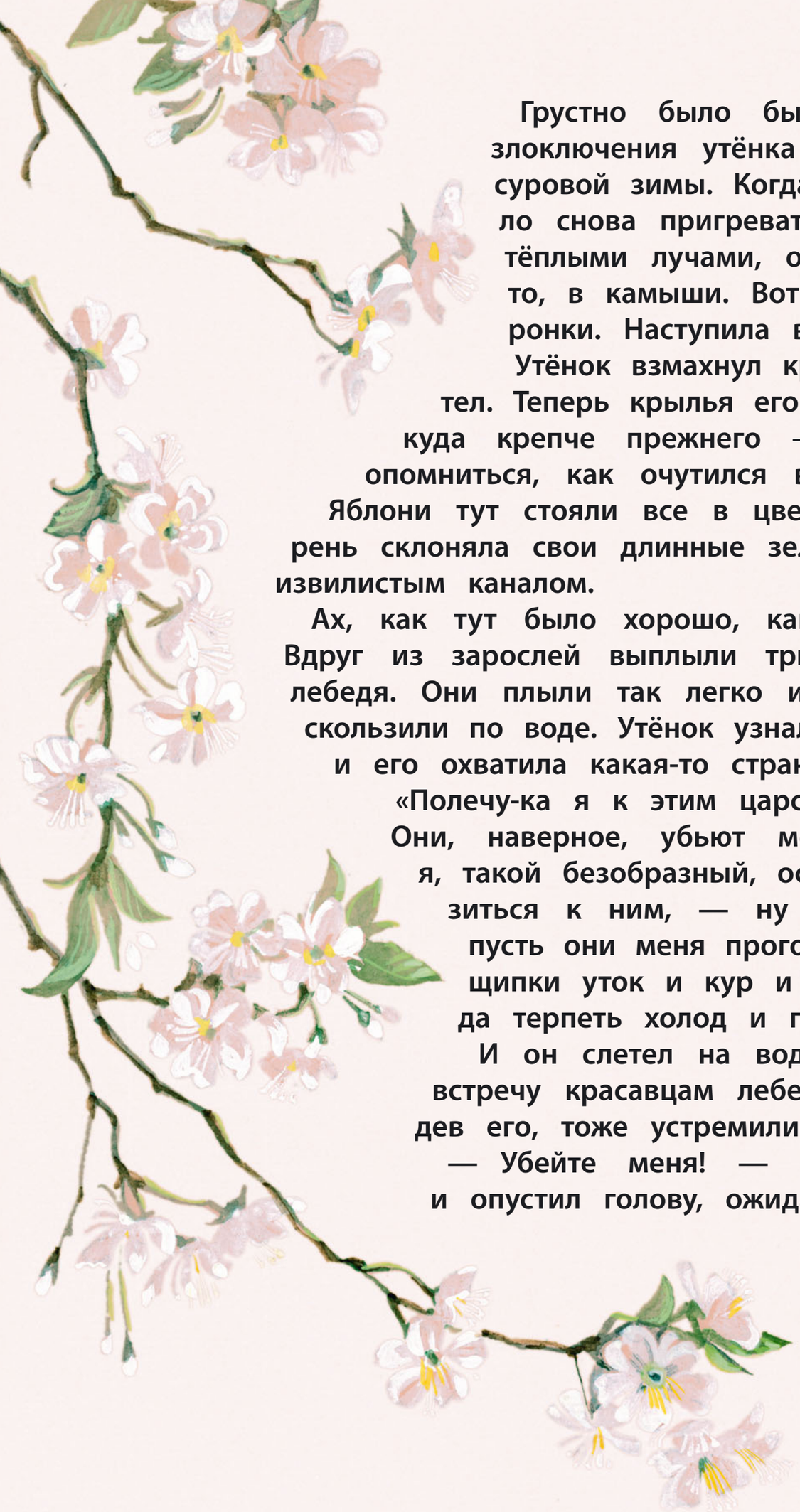
Как-то раз, под вечер, когда солнце так красиво закатывалось, из-за кустов поднялась стая чудесных больших птиц; утёнок в жизни не видывал таких красивых — белоснежные, с длинными гибкими шеями! То были лебеди. Они закричали какими-то странными голосами, взмахнули

великолепными большими крыльями и полетели с холодных лугов в тёплые края на синие озёра. Высоко-высоко поднялись они, а бедного безобразного утёнка охватило смутное волнение. Он волчком завертелся в воде, вытянул шею и тоже испустил такой громкий и странный крик, что и сам испугался. Чудесные птицы не выходили у него из головы, и, когда они окончательно скрылись из виду, он нырнул на самое дно, вынырнул, но всё никак не мог прийти в себя. Утёнок не знал, как зовут этих птиц и куда они улетели, но полюбил их так, как не любил до сих пор никого на свете. Он не завидовал их красоте. Быть похожим на них? Нет, ему это и в голову не могло прийти! Он был бы рад, если бы хоть утки-то его от себя не отталкивали. Бедный безобразный утёнок!

А зима стояла холодная-прехолодная. Утёнку приходилось плавать без отдыха, чтобы не дать воде замёрзнуть, но с каждой ночью свободное ото льда пространство всё уменьшалось. Морозило так, что лёд трещал. Утёнок без устали работал лапками, но под конец обессилел, замер и примёрз ко льду.

Рано утром мимо проходил крестьянин и увидел примёрзшего утёнка. Он пробил лёд своими деревянными башмаками, отнёс утёнка домой и отдал его жене. В доме крестьянина утёнка отогрели.

Но вот дети как-то раз задумали поиграть с утёнком, а он вообразил, что они хотят его обидеть, и со страха шарахнулся прямо в миску с молоком. Молоко расплескалось, хозяйка вскрикнула и всплеснула руками, а утёнок взлетел и угодил в кадку с маслом, а потом в бочонок с мукой. Ох, на что он стал похож! Крестьянка кричала и гонялась за ним с щипцами для угля, дети бегали, сшибая друг друга с ног, хохотали, визжали. Хорошо, что дверь была открыта: утёнок выбежал, кинулся в кусты, прямо на свежевыпавший снег, и долго-долго лежал в оцепенении.



Грустно было бы описывать все злоключения утёнка в течение этой суровой зимы. Когда же солнце стало снова пригревать землю своими тёплыми лучами, он залёг в болото, в камыши. Вот запели и жаворонки. Наступила весна.

Утёнок взмахнул крыльями и полетел. Теперь крылья его шумели и были куда крепче прежнего — не успел он опомниться, как очутился в большом саду. Яблони тут стояли все в цвету, душистая сирень склоняла свои длинные зелёные ветви над извилистым каналом.

Ах, как тут было хорошо, как пахло весною! Вдруг из зарослей выплыли три чудных белых лебедя. Они плыли так легко и плавно, словно скользили по воде. Утёнок узнал красивых птиц, и его охватила какая-то странная грусть.

«Полечу-ка я к этим царственным птицам! Они, наверное, убьют меня за то, что я, такой безобразный, осмелился приблизиться к ним, — ну и пусть! Лучше пусть они меня прогонят, чем сносить щипки уток и кур и пинки птичницы да терпеть холод и голод зимой».

И он слетел на воду и поплыл навстречу красавцам лебедям, а те, завидев его, тоже устремились к нему.

— Убейте меня! — сказал бедняжка и опустил голову, ожидая смерти.

Но что же он увидел в чистой, как зеркало, воде? Своё собственное отражение. И теперь он был уже не безобразной тёмно-серой птицей, а лебедем!

Не беда появиться на свет в утином гнезде, если ты вылупился из лебединого яйца.

Теперь он был рад, что перенёс столько горя: он лучше мог оценить своё счастье и всю красоту, что его окружала. Большие лебеди плавали около него и гладили его клювами.

В сад прибежали маленькие дети, они стали бросать лебедям зёрна и хлебные крошки, а самый младший закричал:

— Новый, новый!

Остальные подхватили: «Да, новый, новый!» — и захлопали в ладоши, приплясывая от радости, потом побежали за отцом и матерью и стали снова бросать в воду крошки хлеба и пирожного. И все говорили, что новый лебедь — самый красивый. Такой молоденький, такой чудесный!

И старые лебеди склонили перед ним головы.

А он совсем смутился и невольно спрятал голову под крыло.

Он не знал, что делать. Он был невыразимо счастлив, но ничуть не возгордился — доброму сердцу чуждо высокомерие.